

Франц Шереги. У него все от жизни²

Мне в высшей степени симпатичен текст «Загадки Шереги» [1], ибо несколькими предложениями его автору Андрею Алексееву удалось отразить в нем некоторые существенные черты личности и профессиональной деятельности Франца. Объясняя заголовок своего эссе, Алексеев заметил, что с Шереги он знаком «разве что заочно». Однако я думаю, что подобным образом свои заметки могли бы назвать даже многие из тех, кто знает Франца на протяжении десятилетий. Причина — он «иной», из другого ценностного пространства. Вот как он сам об этом говорит: «Я пришел в советскую социологию случайно, причем как “белая ворона” и остался “белой вороной” в российской социологии. Иначе говоря — пришел в социологию “ниоткуда”, “побродил” в кулуарах словно незванный, но “дикий” гость, и остался в российской социологии как неудобный объект, который в какой-то мере мешает, но к которому “притерлись” и мимо которого можно проходить не замечая, коли в нем нет надобности» [2 с. 6].

Я же рискну предложить «отгадки» задач, поставленных Алексеевым. Во-первых, меня связывают с Шереги годы дружбы и обсуждений многих проблем общественного развития и методологии социологического познания. Во-вторых, при самой деятельной поддержке Франца я уже около десяти лет изучаю историю современной советской/российской социологии и, в том числе, пытаюсь понять внутренние механизмы деятельности моих коллег.

Мой опыт историко-научных поисков показывает, что творчество социологов биографично. Таким образом, анализ многоаспектной проблематики, к которой относится и «пазл Алексеева», включает в себя изучение профессионального и более широко — личностного мира ученых, в том числе — их биографий, а еще лучше — если удастся, автобиографий. Зная Франца Шереги, я не надеюсь, что в ближайшие, да и в более отдаленные годы, он засядет за написание мемуаров. Но сейчас можно обратиться к глубинному биографическому интервью с ним, проведенном в 2007 году, в нем есть фраза: «... свои социологические «опусы» я пишу «от жизни», а не по заученным шаблонам» [2, с. 7].

Я вижу в ней более широкий смысл: все, что Шереги делает, он делает «по жизни», т.е. в опоре на ценности, а не на предлагаемые извне идеологемы и конъюнктурные рекомендации. В сказанном и самый общий ответ на «загадки Шереги»: мир, в котором проистекала его первичная социализация, сформировали в нем то отношение к семье, труду, личной свободе, властным институтам, которое в том мире естественно, обыденно. Но «загадочно» в нашем большом мире.

Мы познакомились с Шереги в конце 1976 или в начале 1977 годов, вскоре после защиты им кандидатской диссертации. Нас соединило много общего: одно поколение, я на три года старше; оба пришли в социологию после получения математического образования; круг интересов обоих включал в себя проблемы выборочных методов и изучения общественного мнения. К тому же мы оба работали тогда в близких по духу институтах: Франц — в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в Москве, я — в Ленинградской Высшей партийной школе. Давно все это было, но можно с уверенностью говорить, что сами по себе эти атрибуты наших био-

² Франц Шереги — загадка личности и опыт разгадки // Портал Cogita.Ru. 20 ноября 2014. <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/franc-shereni-2013-zagadka-lichnosti-i-opyt-razgadki>

графий вряд ли могли стать основой нашего неформального сближения. В Институте социологических исследований АН СССР в те годы работала значительная группа наших ровесников с математическим или физическим образованием, все занимались вопросами повышения надежности измерения и/или обработкой информации, со всеми у меня были добрые, приятельские отношения, но стабильного взаимного притяжения не было.

Сегодня мне представляется, что прежде всего нас с Францем сближало стремление к научному, т.е. идеологически не ангажированному рассмотрению социальных процессов, происходивших в стране. Меня «тянуло» в сторону позитивизма, абстрактных моделей процесса социологического измерения и истории науки, в частности — творчества Карла Пирсона, но одновременно меня заинтересовали общелогические построения Шереги и его интерес к марксизму как методу социального познания.

Однако главное, что меня привлекало в нем, это внутренняя свобода. Пожалуй, прошло четверть века, я уже несколько лет жил в США, когда я стал чувствовать себя столь же свободным в научном и гражданском отношении, каким был Франц в те далекие годы. Интуитивно я связывал эту особенность его суждений и поведения с тем, что он родился и вырос в венгерской общине Закарпатья, многие классические и современные социологические теории изучал по венгерским переводам, изданным без всякой цензуры, и сначала переводил, а позже и сам преподавал студентам из Венгрии, которые по-умолчанию не могли принять крайне идеологизированное рассмотрение принципов социализма, характерное для советской системы образования. Но глубинное объяснение его свободных, часто резко критических суждений относительно внутренней и внешней политики СССР я нашел в нашем интервью в 2006-2007 годах.

Мой вопрос касался того, как им в школе объясняли вхождение Западной Украины в СССР. Приведу его ответ полностью: «Общепринятая официальная версия была простая — советские войска освободили земли Украины. Нас эта, да и любая иная официальная версия “не коробила”, так как все мы, кстати, даже местные украинцы (гуцулы) и русины, обладали превентивным “генетическим” иммунитетом недоверия к любой официальной информации — и советской, и несветской — даже если она была объективной. Отчуждение населения Закарпатья от любой государственности как института власти всегда было абсолютным» [2, с. 7].

Расположенность Закарпатья в центре Европы, где сталкивались политические интересы различных государств, отмечает Шереги, способствовало формированию у населения социального иммунитета по принципу: «кесарю кесарево, а я сам себе на уме». Эта неподверженность никакой политической идеологии стала основой умения людей самостоятельно анализировать любые политические и социальные процессы, делать независимые выводы и принимать автономные решения. Со временем полученный Шереги при рождении иммунитет к идеологии проявился во множестве следствий, в частности, он трансформировался в независимость его исследовательской деятельности. При этом залогом, гарантом подобной независимости Шереги мог быть и стал его глубокий профессионализм.

Ключ к разгадке других «Загадок Шереги» следует видеть в его отношении к труду вообще и к профессии, в частности. Вот как Шереги вспоминает обстоятельства своей ранней социализации: «Личный политический опыт заключался в том, что все население Закарпатья формировалось в капитализме и примерно до 1960-х годов социализм воспринимало как временное явление, равно как и советскую “оккупа-

цию”. В течение семи лет в венгерской школе меня учили бывшие “капиталистические” учителя» [2, с. 7]. Многие социологи, с которыми мне удалось провести интервью, отмечали, что начали работать рано, сменили несколько профессий, но никто из почти 80 человек не имел столь богатого производственного опыта, предшествовавшего приходу в социологию, как Франц: сельскохозяйственный рабочий и сапожник, мясник и артист венгерского народного театра, военнослужащий, заведующий библиотекой, учитель венгерской школы, репетитор по подготовке к поступлению в вуз по математике, физике и французскому языку; переводчик-синхронист венгерского языка. Но и потом его деятельность оказалась весьма многообразной: аспирант, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», научный сотрудник, преподаватель вуза. А еще у него были планы стать католическим священником, заниматься литературным трудом, изучать юриспруденцию и философию. В 1988 году началась его карьера предпринимателя, это не было для него чем-то новым, совсем незнакомым. В Закарпатье некоторые формы предпринимательства всегда существовали. Осенью 1990 года он зарегистрировал свою частную социологическую фирму.

Приехав в Москву из Центральной Европы и имея богатый личный опыт всевозможных социальных отношений, в том числе и капиталистических, Шереги вполне обоснованно считал себя в социальном отношении более зрелым, чем его советские коллеги. И у него есть основания считать, что история, подтвердила его правоту. Приведу лишь один пример.

В 1982 году ЦК КПСС и ЦК комсомола предложили Шереги изучить социальные проблемы строителей Байкало-амурской железнодорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда на «стройку века» и планы строителей на будущее. Результаты исследования его поразили многим, в частности тем, что хотя стройка объявлялась и пропагандировалась как интернациональная, в действительности 85% приезжавших на БАМ составляли русские. Например, в составе бригад, приезжавших из республик Средней Азии, русские составляли 95%, из Прибалтики – 60%, Украины – 40% и т.д. Он заинтересовался противоречием между информацией об интернациональном составе строителей магистрали и обнаруженной им высокой национальной однородностью приезжавших отрядов строителей. И пришел к неожиданному для себя выводу: русские и русскоязычные вытесняются из национальных республик. Подобное он выявил и при изучении «интернациональных» строек на Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе (КАТЭКе) и в Волгодонске, на строительстве завода «Атоммаш». Интернациональная по замыслу структура отрядов строителей, рекрутированных на стройки по комсомольскому призыву, на самом деле также оказалась почти мононациональной – в основном русские или русскоязычные (украинцы, белорусы). Уже в 1983 году он сделал вывод о том, что социальные фонды национальных республик стали скудеть, рабочих мест, где имелись социальные гарантии, с трудом хватало для представителей титульных национальностей. Это могло привести к межнациональным противоречиям и потому центральная власть, зная о происходившем, постепенно «выводила» из национальных республик русскую молодежь. Тогда он пришел к выводу: СССР стоит перед распадом.

Я хорошо помню, как Франц рассказывал мне о своих выводах. Они казались логичными, но внутренне согласиться с ними, принять их мне было трудно...

Сказанное о трудовой этике Шереги объясняет и его удивляющую всех продуктивность. Алексеев насчитал 35 монографий и отмечает: «может я, что-то и пропустил в подсчете». Уверен, что пропустил. Книги – это завершение исследований. С 1990

по 2006 год под руководством Шереги было выполнено не менее 400 проектов. После 2007 года заказов на исследования стало меньше, однако 30-35 только общероссийских исследований его Центр социального прогнозирования и маркетинга (ЦСПиМ) проводил ежегодно и проводит по сей день.

Еще одна «загадочная» область поведения Шереги – благотворительность, мне не известны ни частные, независимые, ни государственные социологические организации, которые бы столь активно и эффективно осуществляли эту благородную деятельность. Безусловно, это еще одно проявление стандартов отношения к труду и человеку, восходящих к протестантской этике и глубоко укоренившихся в Западном бизнесе.

Так, веб-сайт Шереги <www.socioprognoz.ru>, упоминаемый Алексеевым, это несомненно вид благотворительной акции; серьезные затраты, но никак не источник прибыли. Этот сайт³ открылся 12 апреля 2011 года, и лишь в малой степени он выполняет роль визитной карточки ЦСПиМ, минимум информации о нем. Это – общедоступная «сайт-библиотека», основная цель сайта – содействовать повышению качества социологического образования в стране. Поначалу на нем размещались работы сотрудников ЦСПиМ, но вскоре появились и книги сторонних авторов. Примечательно, что на сайте нет материалов, не прочитанных Шереги, он лично отбирает тексты. К середине 2014 года в библиотеке хранилось около 250 публикаций по различным отраслям социологии, есть в ней и «кабинет раритетов» - 22 работы из дореволюционной и ранней советской социологии. Аудитория этого специализированного сайта порядка 5000 человек. В апреле-мае 2011 года сайт посещали 10-12 человек в день, сейчас - 80-90 человек ежедневно. Конечно же, в большинстве – это люди, имеющие прямое отношение к социологии, демографии, статистике и исследованию общественного мнения и рынка.

К ряду многолетних благотворительных деяний Франца Шереги относится и его активная издательская деятельность. Хотя с 1995 года он практически не участвует в социологическом образовании, не читает лекций в вузах, тем не менее, и по сей день он активно содействует развитию социологического образования в России в форме подготовки многочисленных изданий по методике и различным предметным областям социологии. По состоянию на начало 2014 года Центром издано 120 книг по социологии, все они размещены на сайте в открытом доступе. И здесь принципиально не только количество изданных книг, важно и то, что при издании новых и переиздании старых книг Шереги стремится познакомить социологов с работами авторов, представляющих разные научные направления и придерживающихся разного понимания социологии как науки. Например, им переизданы: монография «Труд» И. И. Чангли, в которой труд и его место в обществе рассматриваются в рамках истмата; брошюра о развитии социологии на Урале М.Н. Руткевича, деятельность которого, по мнению многих социологов первых поколений, нанесла вред отечественной социологии; работы разных лет В. Э. Шляпентоха, которые после его эмиграции в США фактически выпали из поля зрения специалистов, тем более – студентов; классическая книга В. А. Ядова по диспозиционной теории личности, давно ставшая библиографической редкостью; научные и публицистические материалы В. Н. Шубкина.

³ Я благодарю Елену Григорьеву, которая создала и поддерживает этот сайт, за предоставленную мне информацию о его содержании и обращении к нему.

Я вижу в такой издательской стратегии Шереги следствие (продолжение) присущей ему с детства национальной, конфессиональной, языковой и прочих форм толерантности. В интервью он отмечает, что испокон веков в его родных местах жили люди разных национальностей, в каждом селе имелось по 1-2, а в небольших городах – по 4-5 церквей разных религий, все с детства говорили на 2-3 языках. Принципиальна и его позиция в межличностном внутрицеховом пространстве: «...в своих работах я никогда никого из социологов или философов не критиковал, относясь к ним только с позиции коллегиальности и права на собственное автономное мнение...» [2, с. 6]. Еще в аспирантские годы Шереги удивило невероятное число межличностных конфликтов в советской социологии, вроде бы по поводу научной корректности позиций исследователей. Он полностью согласен с утверждением английского социолога Теодора Шанина, многие годы работающего в России и внесшего значительный вклад в ее развитие. По мнению Шанина, кризисы происходят не в социологии, а у социологов, которые, вдруг сцепившись друг с другом, создают кризисные ситуации, так что наблюдаемое – скорее кризис социологов, чем социологии.

Такие «загадки Шереги», как «равновесность теории, методологии и эмпирии», «коллегиальность» и «разнообразие», могут быть «разгаданы» полностью лишь при наличии трех особых «ключей», но в любом случае в процессе поиска ответов следует учитывать факт глубинной и многолетней погруженности Шереги в сферу прикладных социологических исследований. На мой взгляд, принимая во внимание такие моменты, как продолжительность работы в этой нише социологии, знание методов прикладных исследований, широту предметной области поисков, нацеленность на практику и ряд других, Шереги может быть признан одним из лидеров этого раздела советской/российской социологии.

Еще будучи аспирантом, Шереги в 1974-1976 годах читал 60-ти часовой курс по прикладной социологии и социальной психологии на венгерском языке для руководителей Венгерского союза молодежи в Высшей комсомольской школе; тогда же проводил исследования по идеологии и вопросам политического управления. Так что его стаж прикладных социологических исследований – сорок лет. Теперь приведу названия нескольких книг, написанных одним Шереги или с соавторами, заголовки которых однозначно указывают на их содержание и жанр: «Социология образования: прикладные исследования» (2001), «Социология права. Прикладные исследования» (2002), «Социология предпринимательства: прикладные исследования» (2003), «Социология политики: прикладные исследования» (2003), «Социология девиации. Прикладные исследования» (2004).

В начале 1980-х Франц Шереги и Михаил Горшков, тогда еще не академик и не директор Института социологии РАН, а молодой ученый, кандидат наук, задумали подготовить учебное пособие по прикладной социологии, доступное для широких масс. Сначала была серия статей в издававшемся под эгидой ЦК КПСС журнале «Политическое самообразование», затем в 1985 году под их редакцией вышел учебник «Как провести социологическое исследование» [3]. Через несколько лет он был переиздан, а в 2011 году на основе этой книги было издано интерактивное учебное пособие «Прикладная социология», включающее 300 задач, по подготовке прикладного исследования [4]. О том, насколько эта работа востребована, свидетельствует тот факт, что на упомянутом выше сайте эта книга привлекает наибольшее внимание посетителей; около 4000 скачиваний.

Шереги сознательно подавил в себе стремление заниматься целенаправленно социологической теорией, хотя, я уверен, что его подход к пониманию формационной динамики общества, его теория социальной структуры и деятельности социальных институтов могли бы принципиально обогатить российскую науку. Оглядывая сделанное, Шереги замечает, что он наименее доволен собственными успехами в теоретической социологии. И называет две причины, одна – на поверхности, чрезмерная занятость эмпирическими исследованиями. Вторая – свидетельство его высокой требовательности к себе: он не уверен в том, разрабатываемые им категориальные модели станут научно обоснованной базой для характеристики и прогноза развития цивилизаций. Однако, в целом каркас этих моделей сформирован, и велика вероятность уже в ближайшее время познакомиться с ними.

Но ответ на «загадок» Алексеева не будет полным, если в биографическом анализе социологического творчества, более широко – социологической деятельности Шереги мы не рассмотрим его ценностный мир еще с одной стороны. Ценность труда в его синдроме социокультурных ориентаций явно занимает очень высокое место. Аналогичное можно сказать о таких ценностях, как образование, благотворительность в самых различных формах и толерантность. Но доминирующей, в полном соответствии с императивами протестантской этики, оказывается ценность семьи. Шереги сам говорит, что работа для него – не способ удовлетворить личные профессиональные амбиции или таланты, но возможность обеспечить условия жизни его семьи. И до сих пор он считает свои занятия прикладной социологией лишь инструментом заработка на жизнь.

А теперь – все тоже самое, но совсем кратко.

Франц Шереги – высочайшего уровня специалист в области прикладной социологии, со своей философией этого рода исследований и огромным опытом их планирования и проведения. В силу этого, а также его независимости как ученого выводы и рекомендации Шереги востребованы практикой, а его методологические и инструментальные построения представлены в учебниках и во многих книгах, и стали основой для подготовки новых поколений российских социологов. Высокий профессионализм сочетается в Шереги с уникальными личностными качествами: интерес к своему делу, трудолюбие, уважение к своим учителям и коллегам, забота о подготовке новых поколений социологов.

Дорогой друг. Здоровья тебе и успешного пути по избранным тобою в прошлом и по совсем новым дорогам.

Литература

1. *Алексеев А.* Загадка Шереги // СОТИС – Социальные технологии, исследования. 2014, №5, с. 16.
2. *Ф. Э. Шереги:* «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5-14 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749726451205file.pdf>
3. Как провести социологическое исследование. Коллективная монография под редакцией Горшкова М. К. и Шереги Ф. Э. М.: Политиздат, 1985.
4. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Прикладная социология. Интерактивное учебное пособие, включающее 300 задач. М.: Институт социологии РАН, 2011.